

Травматическая парадигма исследования коллективной памяти

Научный руководитель – Шестакова Марина Анатольевна

Котунова Ольга Владимировна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра этики, Москва, Россия
E-mail: olgamylene@gmail.com

С тех пор как М. Хальбвакс ввёл в интеллектуальное пространство понятия коллективной памяти [3] и её социальных рамок [4], прошло чуть более века, однако за это время вокруг темы успело сформироваться целое исследовательское направление, занятое теоретическими разработками различных проблемных вопросов в этой области. Идея надындивидуальной памяти, изначально встреченная скептически в русле позитивно ориентированной социологии и истории, получила широкое осмысление во второй половине XX века, когда постмодернистская критика достигла своего пика. Все это оказалось следствием конкретной исторической ситуации, которая переросла межнациональный масштаб и сформировала транснациональное пространство, отчетливо продемонстрировав общемировую вовлеченность в проблемы, до этого воспринимавшиеся как локальные.

Помимо непосредственной критики позитивистской истории с её претензиями на собственный истинностный статус, осуществлялась также критика опосредованная, связанная с выявлением тех областей социального пространства, которые формировались под ее влиянием, но обладали прямо противоположными чертами: они не требовали доказательной базы, заимствуя в качестве таковой факты истории, пользовались возможностями ангажированного смыслового наполнения и допускали открытое применение оценочных суждений. Открытие таких областей для научной рефлексии сделало проблематику коллективной памяти особенно актуальной.

Однако трагические последствия, обуславливающие «мемориальный бум», не могли не оказать влияния на категориальный аппарат исследовательской области. Ключевым для темы коллективной памяти стало понятие «травмы». Две мировые войны, а также создание и применение атомной бомбы стали событиями, которые этически невозможно было сократить до универсально-обезличенных фактов - они требовали эмоциональной реакции как в области оценки, так и в плане конкретных решений. Так эмоциональная составляющая коллективного нарратива, до того момента обычно скрытая под ровным рядом фактов исторического канона, получила возможность выхода в публичное пространство - пространство, которое, в свою очередь, расширилось и получило такую универсальность, которой никогда не достигала официальная история.

Подобные тенденции казались отражением сути подлинной демократии и распространились далеко за пределы тех событий, которые стали их причиной: вышедшие из-под гнета разных форм тоталитаризма, локальные сообщества получили собственный голос. Этот голос в значительной степени оказался голосом прошлого, который сохранился в настоящем только благодаря памяти, скрытой от официальных источников и пронесенной контрабандой, - памяти, публично не реализованной, а потому травмированной.

Некоторые исследователи полагали, что сама форма манифестации или написания собственной интерпретационной версии истории является целительной процедурой и позволяет нормализовать актуальное состояние сообщества путем утверждения собственной линии памяти. Сторонником этой идеи выступал, например, П. Нора, указывающий три

направления мемориальной эмансипации: внешнюю деколонизацию этнологических меньшинств, внутреннюю деколонизацию социальных меньшинств и идеологическую деколонизацию сообществ, находившихся под властью тоталитарных режимов [2]. Однако приветствованная им эпоха всемирного торжества памяти не в полной мере оправдала предрекаемый позитивный сценарий: локальные сообщества утверждали собственную линию с опорой на травматический опыт - за счет размежевания и поиска виновных и их наследников, а память из средства освобождения превращалась в инструмент исключения, становясь источником локальных конфликтов идентичностей.

Дальнейшая линия разработки данной проблематики продолжила движение по пути категоризации разного рода травматического опыта и наполнения им публичного пространства, эта тенденция просматривается и сегодня. Потому, пожалуй, следует признать, что данный опыт по большей части остается непроработанным - он получает лишь номинальные оценки и решения, а потому наполняет актуальным содержанием прежние конфликты и ложится в основание новых.

Таким образом, сложившаяся парадигма исследования памяти локальных сообществ через категорию травмы требует как минимум переосмысления на всех уровнях, включая инструментальный, онтологический, аксиологический и этический, а также выработки сообразного теоретическим выводам работающего механизма принятия конкретных решений. До тех же пор остаются актуальными слова Т. Адорно: «Прошлое будет проработано лишь тогда, когда удастся преодолеть сами причины событий прошлого. Лишь потому, что эти причины продолжают действовать, чары прошлого до сих пор не рассеяны» [1, С. 45].

Источники и литература

- 1) Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2. — С. 36–45.
- 2) Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Ред. Габович М.Е. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 391–402.
- 3) Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2. — С. 8–27.
- 4) Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.